

Гу Чжэнь:

— Тьфу ты, ну как я могу его не слышать? Он просто въелся в меня, будто я мариновался в косметике. Стоит мне встать, и он тут же лезет в нос. Я что, должен задерживать дыхание?

007 оказался на мгновение без слов.

Гу Чжэнь, держа в руках горсть порошка, снова посмотрел на свой член и не мог избавиться от тревоги. Лицо ему было безразлично — мужчине не страшны ни аллергия, ни шрамы. Но это его самое сокровенное, его мужская суть. Каким бы уродливым и отвратительным оно ни было, это основа мужчины. Если здесь что-то пойдет не так, он не только лишится всех удовольствий, но и столкнется с проблемами даже с мочеиспусканием.

Гу Чжэнь сглотнул и спросил:

— Эй, братан семерка, у меня тут аллергии не будет?

007:

— Твоя штукovina что, нежнее девичьего лица?

Гу Чжэнь подумал и решил, что это справедливо. Светлый горизонт мастурбации уже маячил впереди. Вспомнив сладостное чувство оргазма, когда мурашки бегут по коже, а мысли пусты, он решил: «Ну всё, одной попыткой всё решу!»

С этими мыслями Гу Чжэнь вытряхнул порошок себе на причинное место. Холод заставил его вздрогнуть. Подождав немного, он почувствовал себя вполне комфортно, никаких побочных эффектов. Тогда он зачерпнул еще большую горсть и начал мазать, словно это было бесплатно. 007 не удержался от комментария:

— Если Жу Сюэ узнает, она, наверное, никогда в жизни не станет использовать эту штуку для лица.

Гу Чжэнь довольно хмыкнул и с улыбкой ответил:

— Мясо на лице и мясо на члене — всё это мясо. Какая разница, где выше, где ниже? Главное — чтобы работало. Закончив говорить, он посмотрел на свой низ, превращенный в черно-белую кашу, и не смог не подумать...

— Как-то мне противно...

— Эй, брат, какое совпадение, мне тоже.

— ...

— Ладно, неважно. Зато приятно. Завтра я так раз трахну, ох, как же я устал всё терпеть. Вспомнив о чем-то, он спросил:

— Эй, когда я буду этим заниматься, ты можешь kinda как уснуть? Иначе ты смотришь, а у меня не выходит.

007:

— ... Когда носитель занимается порнографией, мы активируем функцию самозащиты и

автоматически накладываем мозаику.

Гу Чжэнь сказал «О» и тут же спросил:

— А почему это называется самозащитой? Кого ты защищаешь?

007:

— Чушь, конечно, себя. Ты что, думал, я хочу смотреть, как ты это делаешь? Мы, системы, исповедуем истину, добро и красоту, мы же целомудренные системы, ок?

Гу Чжэнь мысленно закатил глаза, думая про себя: «Интересно, кто это был, кто в самом начале подстрекал меня заняться сексом?»

007:

— Ты, ублюдок, что там бормочешь? Думаешь, я не слышу?

Поспорив еще немного с 007, Гу Чжэнь не забыл о главном деле. Он позвал охранника за дверь и приказал позвать Е Жаня.

С тех пор как они прибыли в военный лагерь, Е Жань и Си Юэ, которые должны были находиться рядом с Гу Чжэнем каждый шаг, были отправлены помогать. Си Юэ помогла Жу Сюэ с медицинскими делами в армии, а Е Жань пошел наблюдать за тренировками солдат и учиться военной стратегии. Думаю, после недавней атаки кочевников-ху, хотя этот парень обычно молчал и выглядел холодным, было ясно, что он честолюбив и у него в сердце есть свои стремления. В той внезапной атаке не было сильных мастеров, даже обычные солдаты, вероятно, получили лишь царапины, пострадал только он, и то от удара копытом лошади. Наверное, сейчас он очень подавлен.

В оригинальном произведении дальнейшая судьба Е Жаня вообще не была описана, была только Си Юэ. Си Юэ следовала за Хэ Сюйляном в его походах на север и юг, время от времени занимаясь любовью под шум битв. Появление персонажа Е Жаня, казалось, служило лишь для того, чтобы подчеркнуть развратность Гу Чжэня, не различавшего полов. После смерти Гу Чжэня он лишь изредка упоминался в словах своей сестры Си Юэ, а позже, по всей видимости, автор и забыл, что писал такого человека, и больше не упоминал его. Подумать тоже, это был роман о гареме, с непобедимым главным героем, бесчисленными красавицами, бросающимися ему в объятия, несколькими злодеями и второстепенными персонажами, демонстрирующими храбрость героя — кому же нужны сцены с жесткими мужиками?

Но всё это было в прошлом. Раз у Е Жаня есть идеалы и способности, он наверняка сможет добиться успеха. Жаль только, что его всё это время портил негодяй Гу Чжэнь.

Эх, всё это вина красоты, — прокомментировал нынешний Гу Чжэнь.

Вскоре пришел Е Жань, с перевязанной талией, ходил еще немного неестественно, лицо было не очень хорошим. Войдя, он поклонился и сказал:

— Какой приказ будет, господин?

Гу Чжэнь:

— Как рана? Всё еще болит?

Е Жань слегка нахмурился и ответил:

— Спасибо за беспокойство, уже всё в порядке.

Гу Чжэнь подумал: «Ты ещё притворяешься. Раньше, когда тебе сломали мизинец, ты даже бровью не вел, а сейчас, когда кланяешься, промежуток между бровями такой, что комара раздавишь».

Но по лицу он кивнул и сказал:

— Ну и хорошо. Обладать такой искусной техникой убийства, а в итоге быть обойденным лошадью — не кажется ли тебе это смешным?

Е Жань медленно сжал правую руку в кулак. На его холодном лице появилась нотка гнева и нежелания смириться, но он не посмел проявить это перед Гу Чжэнем и ответил:

— Да.

Гу Чжэнь продолжил:

— Есть хорошая поговорка: знай себя и знай своего врага, и ты победишь в ста битвах. У охраны есть стандарты охраны, на поле боя есть свои правила. Если ты применишь ту небольшую хитрость, которую используешь для защиты меня и твоей сестры, на поле боя, как ты думаешь, это сработает? В этот раз это были всего лишь кочевники-ху с грубой силой, а ты закончил в таком жалком состоянии. А если в будущем? У противника будут стратегии и хитрость, неужели ты погибнешь без места для захоронения?

Боевой потенциал Е Жаня был довольно высок, говорить на равных с главным героем — это не пустые слова, поэтому он был уверен в своих навыках. После того как Гу Чжэнь испортил большую часть его жизни, только это боевое искусство могло служить ему небольшим утешением. Но сейчас Гу Чжэнь обесценил его до одной монеты. Даже самый спокойный человек не смог бы не возмутиться, он не выдержал и открыл рот для возражения:

— В этот раз я всего лишь был неосторожен, в следующий раз я обязательно...

— Следующий раз? — Гу Чжэнь резко крикнул, взгляд стал еще более суровым. Е Жань вдруг почувствовал несколько нитей страха в сердце, и слова, уже достигшие рта, никак не могли произвестись.

— Где там следующий раз? На поле боя с кем ты будешь просить следующий раз? Иди посмотри на снег снаружи, на горы на границе. Под землей, по которой ты топчешься, похоронены кости и кровь скольких воинов? Спроси их, дадут ли они тебе следующий раз?

Е Жань опустил голову, не в состоянии сказать ни слова.

Гу Чжэнь слегка вздохнул, тон стал чуть мягче:

— Ты как человек воинственных искусств, должен понимать, не говоря уже об обычном времени, но на поле боя тем более: небольшая неосторожность — и тебе отрубят голову. В этот раз ты не знал, что лошади кочевников-ху дикие, в следующий раз ты, возможно, не узнаешь, какое оружие использует противник, а еще через раз ты не угадаешь, где противник устроил засаду. Обычно ты хвалишься, что можешь реагировать на любой прием, но я тебе говорю: на поле боя, если не сделаешь полной подготовки, исход — смерть.

Е Жань не по своей воле вздрогнул.

Гу Чжэнь продолжил:

— Сказав так много, ты понимаешь, что я имею в виду?

Е Жань кивнул, с некоторым сомнением поднял голову:

— Маленький человек понимает, только вот...

Понимает он, но просто не понимает, почему этот негодяй говорит ему всё это. Он всего лишь маленький телохранитель, жалкий раб для утех. Какое дело полю битвы до него?

Гу Чжэнь потер виски и сказал:

— С завтрашнего дня иди учиться военному искусству и построению у генерала Ляна. Он хороший генерал, ты сможешь у него многому научиться.

Е Жань замер на месте, не веря тому, что услышал.

Гу Чжэнь дважды кашлянул и снова сказал:

— Помни, что каждый день должен приходить ко мне и отчитываться, чему ты научился.

Гу Чжэнь просто хотел поставить лайк своему сообразительности. Лян Даго был шпионом, как раз можно отправить Е Жаня следить за ним, и при этом сделать одолжение. Один камень убивает двух зайцев, нельзя быть более выигрышным.

Повернув голову, он увидел, что лицо Е Жаня выражает полное неверие, и подумал, что этот ребенок наверняка снова решил, что он замышляет дурное. Поэтому он объяснил:

— Я знаю, что раньше обходился с вами, братом и сестрой, плохо. Это было потому, что я был молод и неопытен, не понимал времени и не думал об общем благе. Сейчас горы и реки разрушены, Цзяньюнь в опасности, и если ты мужчина, ты должен приложить силы для страны. Тем более у тебя такие хорошие навыки, держать тебя привязанным к мне — действительно жалко. Если эта страна действительно погибнет, я, канцлер, тоже буду просто призраком, и ты не сможешь спасти меня в безопасности от тысяч армий вражеского государства. Поэтому иди на поле битвы, приложи немного сил для этой страны.

Е Жань из-за волнения немного закашлялся и спросил:

— То, что сказал господин... это правда?

Это было его заветное желание и мечта. Он был действительно слишком слабым, пусть даже с таким боевым искусством, он не мог забрать мать и старшую сестру из рук Гу Чжэня, у которого не было сил даже связать курицу. Ему нужно было стать сильнее, он хотел, чтобы этот мир стал лучше, он всегда хотел отправиться на поле битвы.